

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

Предисловие

Чтобы определить назначение настоящего толкования, сначала скажем, какую цель оно *не* преследует. Прежде всего, оно не призвано заменить собственно научных комментариев. Поэтому здесь опущен весь научный аппарат, например, точные ссылки. По той же причине исключены и примечания, что делает чтение более лёгким и свободным. Оставлены в стороне также многие подробные обоснования, особенно филологического характера, без которых собственно научный комментарий не мог бы обойтись. С другой стороны, это толкование не предназначено и для того, чтобы стать ещё одной книгой духовных размышлений и проповедей. Поэтому в нём нет готовых назидательных выводов, которые можно было бы сразу возвестить с церковной кафедры.

Какую именно задачу ставит перед собой наше толкование, показывает общее заглавие издания: «Священное Писание, разъяснённое для жизни». Слово Божие здесь именно *разъясняется*, как оно есть. Священный текст может пробудить у читателя множество самых прекрасных мыслей, однако данное издание стремится в первую очередь ясно показать мысли самого священного автора. Поэтому наш комментарий не может не опираться на самую строгую научную экзегезу. Образованный читатель — и не только священник или филолог, но и всякий, у кого есть необходимая для этого внутренняя чуткость, — должен в результате чтения увидеть, что именно сказал священный автор, какую мысль он выражал и что, быть может, он сам при этом переживал. Не должны оставаться без ответа и вопросы и трудности, естественным образом возникающие у вдумчивого читателя. В особенности толкование Евангелий должно помочь ему, насколько это вообще возможно, так

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

понимать и воспринимать дела и слова Иисуса, как если бы он сам был среди Его слушателей.

Такова первая задача комментария. Из неё вытекает вторая: показать, как мысли Священного Писания, то есть мысли Божии, входят в нашу жизнь и какое основополагающее значение они для неё имеют. Поэтому акцент делается не на теоретических рассуждениях. При этом комментатор не ставит себе целью, с другой стороны, пускаться в бесчисленные практические детали, разбирая отдельные случаи внешней жизни. Это он оставляет самому читателю. Главная же задача комментатора — показать, какие уроки даёт слово Божие для внутренней жизни человека, то есть для того корня, из которого вырастает или должно вырастать всякое внешнее делание, в том числе всякая религиозная практика. При этом комментатор имеет в виду не только людей особого звания — священнического или монашеского, но всякого человека и христианина.

Несмотря на детальность, наш комментарий вовсе не избавляет читателя от необходимости размышлять самому. Напротив, он помогает ему подойти к непосредственному смыслу слова Божия с тем, чтобы в его свете читатель уже мог дальше размышлять о жизни вообще и особенно о своей собственной жизни. Нынешнему христианству настоятельно нужно не одно только привычное религиозное делание и тем более не религиозная игра с приятными назидательными мыслями, лишёнными внутренней силы. Нам нужна подлинная, глубокая религиозность, из которой рождается сила жить, сила страдать и сила побеждать, — та сила первохристианской Церкви, книгой которой было Священное Писание.

Настоящий полутом посвящён прологу и детству Иисуса, а также Его галилейскому служению, как это описывает Матфей; при этом для ясности в параллельных местах, как правило, даётся и толкование на Марка. Второй полутом посвящён последним дням Иисуса в Иерусалиме, Его страданиям и воскресению по Матфею и Марку, а также содержит перевод Евангелия от Марка.

Особого списка литературы здесь не требуется. Следует лишь указать, что приводимые места из Талмуда взяты из большого пятитомного «Комментария к Новому Завету из Талмуда и мидрашей» Штрака–Биллербека, вышедшего в мюнхенском издательстве Бека и ставшего сегодня незаменимым для экзегета. Разумеется, это не значит, что все религиозные иудейские установления во времена Иисуса были именно таковы, какими их впоследствии изложил Талмуд. Но, во всяком случае, они хорошо показывают весь образ мыслей фарисеев уже в эпоху Иисуса. Считаю необходимым также отметить — ради справедливости и истины — что не из

всех положений Талмуда (например, предписаний о поведении по отношению к не-иудею) можно делать выводы о современном иудействе. Многие в Талмуде обусловлены своей исторической эпохой и ею же ограничены.

Некоторым читателям покажется неудобным, что текст Марка даётся отдельным полуголом, тогда как его толкование по большей части вплетено в толкование на Матфея. Однако по особым причинам такой порядок представляется комментатору предпочтительным.

Итак, цель нашего комментария, как видно из сказанного выше, достаточно широка — познакомиться с образом мыслей Иисуса как читателей, имеющих богословское или академическое образование, так и тех, кто восполняет недостаток такого образования живым религиозным интересом. Такая широта задачи неизбежно влечёт за собой то, что некоторые читатели, возможно, предпочли бы другой подход — и в форме, и в содержании. Если критики, недовольные формой и содержанием, примут во внимание эту широту задачи, комментатор будет им весьма признателен.

Баден-Баден, 17 мая 1935 года

Виллибальд Лаук

ВВЕДЕНИЕ

То, что Евангелия действительно представляют собой подлинные свидетельства об Иисусе Христе, каковыми мы их традиционно считаем, — неоспоримая истина для всякого, кто способен проследить, как вообще исторические факты удостоверяются письменными памятниками. Здесь мы кратко обозначим основные линии этого историко-литературного процесса применительно к Евангелию.

Мы располагаем писаниями так называемых «мужей апостольских». К ним относятся: «Учение двенадцати апостолов (Дидахэ)» (конец I в.), немного более позднее Послание Варнавы, Послание папы Климента к Коринфянам (написано около 95 г.), семь посланий святого Игнатия Антиохийского (†107 г.), Послание святого Поликарпа Смирнского, ученика апостола Иоанна (†155 г.). Кроме того, примерно к тому же времени, что и последнее, относятся так называемые «Пастырь» Ермы и Второе послание Климента.

В этих писаниях Евангелия уже цитируются — без указания авторства, чаще всего, вероятно, по памяти, но иногда с пометой, что «так написано». Значит, к тому времени, то есть к началу II века и даже раньше, Евангелия уже существовали. И не только существовали, но уже были распространены среди христиан — от Малой Азии до Рима. Названные выше авторы, очевидно, исходили из того, что читатели узнают в этих цитатах уже знакомый им текст. Кроме того, даже еретики первой половины II века, особенно Маркион, основавший в Риме свою антицерковь и отвергавший Ветхий Завет, не оспаривали авторитета Евангелий. Это служит ещё одним доказательством того уважения, каким наши Евангелия уже тогда пользовались во всей христианской среде.

Столь же твёрдо известно и то, кем были авторы четырёх Евангелий. В древнейших греческих и латинских рукописях стоят простые надписания: «по Матфею», «по Марку» и так далее; позднее перед именем появляется и слово «Евангелие»: «Евангелие по Матфею», «Евангелие по Марку» и т. д. Ясно, что сами авторы не могли дать своим писаниям такое непривычное, выходящее за рамки их труда обобщённое заглавие — «Благая весть по Матфею», «Благая весть по Марку» и т. д. Такое заглавие может возникнуть только тогда, когда четыре благовествования воспринимаются как одно Евангелие — «четверовидное Евангелие», как говорит священномученик Иринея (†202 г.). Таким образом, общее заглавие сложилось как «Евангелие», а чтобы указать авторов отдельных его частей, добавляли: «по Матфею», «по Марку» и т. д. Это обозначение, ставшее со времени Иринея обычным,

могло возникнуть лишь тогда, когда Евангелия, прежде распространявшиеся по отдельности, стали переписывать и распространять вместе, как единое собрание. Но поскольку само слово «Евангелие» и его понимание как единой благой вести о Христе, очевидно, было распространено уже во времена святого Иустина (†ок. 165 г.), отсюда следуют два вывода.

Во-первых, четыре Евангелия уже в первой половине II века были соединены в каноническое собрание, следовательно, каждое из них в отдельности должно быть ещё древнее. Во-вторых, те писатели, которых мы знаем как авторов этих Евангелий, уже тогда считались таковыми. Действительно, даже упомянутый выше Маркион не оспаривал их авторства, хотя в свойственной ему манере и называл их лжеапостолами. При таком общем и никем не оспаривавшемся признании авторства совершенно невозможно предположить, будто первый переписчик, объединивший Евангелия в один текст в начале II века, просто подставил эти имена. Это можно объяснить только тем, что ещё до объединения в одно собрание отдельные Евангелия уже обращались в христианской среде под именами тех же авторов.

Первым писателем, который прямо сообщает нам об авторах двух первых Евангелий, был Папий, епископ Иерапольский, друг святого Поликарпа и ученик апостола Иоанна. Об этом он говорит в своём пятикнижном труде «Толкование изречений Господних». Сам этот труд, правда, утрачен. Но в «Церковной истории» Евсевия (†339 г.) сохранилось несколько извлечений из него. Среди них, после указания Евсевия на то, что в сочинении Папия содержатся разные предания, восходящие непосредственно к апостолу Иоанну, приводится следующее важное свидетельство о Евангелии от Марка: «Пресвитер (то есть апостол Иоанн) говорил: Марк, бывший переводчиком Петра, точно, хотя и не по порядку, записал всё, что запомнил, что было сказано или сделано Господом». Затем Папий добавляет, что сам Марк не был учеником Господа, но лишь слушал поучения Петра, «который приспособливал свои наставления к нуждам слушателей, не соблюдая хронологического порядка изречений Господних» (Евсевий, *Церковная история*, III, 39, 15). При этом услышанное Марк передал с величайшей верностью. Из этого свидетельства Папия ясно видно, что уже апостол Иоанн знал Евангелие от Марка и подтверждал его содержание, хотя и с оговоркой, не затрагивающей самого содержания, а именно: Марк даёт не хронологически точное повествование, а изложение, приспособленное к нуждам оглашения.

После этой цитаты о Марке Евсевий продолжает: «Так сообщает Папий о Марке. О Матфее же у него сказано следующее: “Что касается Матфея, то он записал

изречения (греч. *logia*) на еврейском языке; переводил же их каждый, как мог»». Иногда утверждают: раз Папий употребляет слово «изречения», он будто бы не может иметь в виду наше Евангелие, а говорит только о собрании изречений, составленном Матфеем. Но такое понимание неверно. Во-первых, слово «изречения» вовсе не главное в этом предложении. Главное здесь — указание на соотношение языков. Папий акцентирует: «Что касается Матфея — в отличие от других писателей, — то он писал по-еврейски. Поэтому каждый раз приходилось переводить». Во-вторых, слово *logia* (на котором здесь совсем не делается ударения) употреблено и в предыдущем месте, где речь шла о Марке, и поэтому оно не может иметь иного смысла, чем там. А там тоже говорится об «изречениях Господних», которым учил Пётр и которые затем записал Марк. Но при этом, когда «пресвитер Иоанн» говорит о том, что именно записал Марк, он точнее определяет *logia*: «что было сказано или сделано Господом». Значит, как в случае с Марком «изречения Господни» охватывают не только слова Иисуса, но и Его дела; так же следует понимать это выражение и во фрагменте о Матфее. Для огласительного наставления особенное значение имеют не только слова Иисуса, но и Его дела; к тому же греческое слово *logia* означает не только «изречения», но и вообще «откровения». Поэтому Папий, желая сказать кратко и ёмко, употребляет именно это слово. Так и древний сирийский переводчик «Истории» Евсевия, излагая это место, совершенно верно передал смысл, просто переведя *logia* словом «Евангелие». Если бы Папий имел в виду что-то иное, а не полное Евангелие, уже распространённое в его время на греческом, он не мог бы сказать об этом так походя, не сделав особой оговорки.

Итак, по свидетельству Папия, который, без сомнения, и здесь был наставлен апостолом Иоанном, Матфей написал своё Евангелие на еврейском языке. При этом, вероятно, следует думать не о классическом еврейском, как полагают некоторые, а — в соответствии с обычным тогда значением выражения «еврейское наречие» — об арамейском, языке Иисуса, живом языке Святой Земли того времени. Однако было бы ошибкой понимать слова Папия «переводил же их каждый, как мог» так, будто сначала появилось множество греческих письменных переводов или обработок, а затем из них в конце концов победителем вышел наш нынешний греческий Матфей. Во-первых, трудно представить, чтобы множество таких греческих переводов за столь короткое время исчезло с лица земли бесследно. Во-вторых, такое мнение основано на неправильном понимании слов Папия. А именно: нельзя полагать, будто сразу после появления еврейского Матфея «каждый» — пусть даже это сказано преувеличенно — садился и делал письменный греческий перевод. Папий говорит вовсе не о

письменных переводах, а об известном всем его современникам обычае того времени — когда при чтении ветхозаветных Писаний за богослужением их переводили на разговорный язык. Такой перевод мог делать всякий, кто был к тому способен, из этой практики позднее возникли так называемые таргумы. Даже книжники, толковавшие Ветхий Завет, очень часто имели рядом переводчика, который передавал их еврейское поучение на народном арамейском. Тем более естественно, что в грекоязычной Малой Азии при богослужении и оглашении приходилось устно переводить еврейское Евангелие от Матфея.

Нетрудно представить, с каким нетерпением христиане из язычников, совершенно не знавшие ни еврейского, ни арамейского, ждали возможности услышать, что содержится в Евангелии, написанном самим апостолом и принесённом из Палестины христианами из иудеев. Тогда каждый иудей, знавший языки, как умел, пытался переводить слушающим его братьям-христианам «logia» их Господа. Конечно, такое положение не было нормальным. Замечание Папия говорит об этом достаточно ясно. Конец этому положил только письменный греческий перевод, который во времена Папия уже был широко распространён и который мы читаем до сих пор.

Но если Папий в своей книге говорит читателям об этом затруднительном положении как о деле уже прошедшем («переводил» в греческом стоит в аористе), то из его свидетельства следует не только то, что греческий Матфей тогда уже был распространён, но и то, что еврейский Матфей был написан значительно раньше. Так мы подходим к вопросу: когда были написаны наши Евангелия?

Об этом подробнее сообщает уже упомянутый святой Ириней, учёный епископ Лионский (†202 г.), сам бывший учеником Поликарпа, ученика апостола Иоанна. Он пишет (*Против ересей*, III, 1, 1): «Матфей среди евреев, на их собственном языке, также передал Церкви письменное Евангелие, в то время как Пётр и Павел благовествовали и основывали Церковь в Риме. После их смерти Марк, ученик и переводчик Петра, сам письменно изложил нам то, что проповедовал Пётр». Далее следует такое же сообщение о Луке и Иоанне; здесь мы его опускаем, поскольку в настоящем введении речь идёт главным образом о Матфее и Марке.

Итак, по Иринию, Марк передал своё Евангелие Церкви после смерти Петра, то есть в 67 году или позднее. Написать же его он мог и раньше. Это прямо утверждает и Климент Александрийский, глава александрийской учёной школы (†до 215 г.); то же подтверждает Евсевий. По их свидетельству, Марк по просьбе слушателей Петра записал его проповедь. Так оба указания Ириней хорошо согласуются между собой: Марк мог составить своё Евангелие ещё при жизни Петра и, вероятно, уже давал его

читать некоторым людям, но передал его Церкви только после смерти Петра, чтобы устное слово апостола, теперь уже умолкшее, было заменено письменным. Матфей же, по тому же свидетельству, передал своё еврейское Евангелие Церкви «в то время как Пётр и Павел в Риме проповедовали Евангелие и основывали тамошнюю Церковь». Взаимосвязь этих событий, несмотря на возражения некоторых исследователей, не оставляет сомнения: греческая грамматика фразы Иринея здесь указывает именно на одновременность. Совместная же деятельность двух апостолов в Риме могла происходить (с перерывами) только между 61 и 67 годами. Следовательно, по мнению многих авторитетных учёных, именно к этому времени нужно отнести написание еврейского Евангелия от Матфея.

Однако против такого взгляда есть серьёзные возражения. Прежде всего, едва ли можно утверждать, что римская община была основана именно в эти годы. Она существовала задолго до того, как Павел пришёл в Рим. По достоверным сведениям, которые Иероним и Евсевий взяли из более древних источников, Пётр был епископом Рима с 42 по 67 год, хотя, конечно, не всё это время находился там, поскольку как апостол предпринимал и другие миссионерские путешествия. Здесь Иринея мог ошибиться в хронологии: говоря о совместном *служении* обоих апостолов в Риме, он, возможно, связал с ним и *основание* римской Церкви, которое, однако, произошло раньше. По ряду причин такое объяснение (ошибка Иринея) представляется весьма вероятным.

Сравнение Евангелий от Матфея и от Марка показывает, что Марк пользовался арамейским Матфеем, а греческий переводчик Матфея, напротив, испытал влияние Марка. Однако если бы Евангелие от Матфея было написано только после 61-го года, притом в Палестине, и прежде всего для жителей этой страны, то времени для такого взаимного влияния оставалось бы слишком мало. За столь короткий срок еврейское Евангелие должно было бы через приезжих христиан из иудеев попасть в Малую Азию, где Марк во время своего путешествия мог бы его найти и использовать; между тем Марк, по всей вероятности, написал своё Евангелие ещё при жизни Петра. Всё это объясняется проще, если Евангелие от Матфея к тому времени уже давно было написано и распространено.

Кроме того, можно по меньшей мере усомниться, что Матфей, который, по нескольким достоверным сообщениям, хотел при своём уходе из Святой Земли оставить своё Евангелие иудеохристианам, стал бы так долго медлить с исполнением миссионерского повеления Господа, которое сам же и передал: *Идите, научите все народы* (Мф. 28:19). Поэтому, вероятно, правы те, кто относит написание Евангелия от

Матфея ко времени вскоре после 50 года. Переносить его на ещё более раннее время, как делают некоторые, по самому содержанию книги едва ли возможно. Такие замечания, как Мф. 27:8, где говорится, что «земля крови» называется так «до сего дня», и Мф. 28:15, где сказано, что ложные слухи о воскресении распространяются «до сего дня», уже предполагают некоторый прошедший срок. То же видно и из основной направленности всей книги: она должна укрепить иудеохристиан перед лицом опасностей, которые грозили им как в виде иудейских попыток обратить их обратно в иудейство, так и в виде гонений. С другой стороны, сам текст содержащихся в книге пророчеств Иисуса показывает, что книга не могла быть написана уже после 70 года, как утверждают критики. Об этом подробнее будет сказано в комментарии.

О подлинности четырёх Евангелий, о порядке их следования и об именах их создателей свидетельствуют также следующие авторы и документы: «Диатессарон» (согласование Евангелий) сирийца Татиана, составленный в 160–170 годах; Климент Александрийский; Ориген (†ок. 251 г.), которому в Александрийской библиотеке были доступны лучшие и древнейшие источники; так называемый Мураториев фрагмент — список канонических книг Нового Завета, относящийся ко II веку; четыре латинских пролога к Евангелиям, происходящие из начала III века, и многие другие.

Ещё одно важное замечание необходимо сделать уже в этом кратком введении (сказанное ниже будет отчасти повторяться и в самом комментарии, поскольку введение было написано уже после него). Тому, кто читает первые три Евангелия, даже в переводе, бросается в глаза их своеобразное взаимное отношение. С одной стороны, они обнаруживают самое тесное родство: оно видно не только в общем плане повествования и в порядке следования отдельных рассказов, но местами — в совпадении выражений и даже в том, как именно приводятся ветхозаветные цитаты. С другой стороны, каждый из трёх евангелистов всё же идёт своим путём — отчасти потому, что приводит повествовательный материал, которого нет у других, но ещё больше благодаря самостоятельности в расположении материала и выборе слов; так что, при всём сходстве, едва ли найдётся сколько-нибудь длинный фрагмент, который у всех трёх полностью бы совпадал. Поэтому уже около ста лет первых трёх евангелистов именуют «синоптиками»: они, при всех различиях между собой, как бы смотрят на жизнь Иисуса вместе, с одной точки зрения, и потому тот, кто хочет понять и объяснить каждого евангелиста, также должен рассматривать их вместе. Вопрос же о том, как понимать это своеобразное соотношение между ними, называется «синоптической проблемой».

Критика видит решение этой проблемы в предположении о том, что нашим Евангелиям предшествовали некие письменные источники. Отсюда возникла и к настоящему времени утвердилась так называемая «теория двух источников». Согласно этой теории, первым евангелистом был не Матфей, а Марк: именно в Марке она видит один из источников для Луки и для окончательной редакции Евангелия от Матфея. Правда, речь идёт не о нынешнем Евангелии от Марка, а о несколько более ранней его форме. Отличие этой предполагаемой ранней формы от нынешнего текста Марка можно представить примерно так же, как отличие греческого текста от латинского перевода. Другим источником для Матфея и Луки, согласно этой теории, служил так называемый «источник логий» (Q). Это и были, как утверждают некоторые учёные, те самые *logia*, то собрание изречений, о котором упоминал Папий. Его, в таком случае, можно было бы приписать апостолу Матфею. Оба источника, разумеется, пришлось бы отнести к достаточно раннему времени: «источник логий» уже примерно к 50 году, а протоевангелие Марка — несколько позже.

Допустим, что такой взгляд верен. Но он вовсе не означает, будто Евангелия создавались в свободном творческом процессе, где каждый составитель произвольно перерабатывал доставшийся ему материал. Напротив, из самой теории двух источников следуют важные выводы о древности и устойчивости уже сформированного к 50 году предания. Дело в том, что эти два предполагаемых источника — Q и протоевангелие Марка — имеют пересечения: многое содержится в обоих, причём, за исключением отдельных вариантов, один и тот же материал передаётся довольно сходно — не только по содержанию, но и по форме. А это уводит нас ещё дальше назад. Очевидно, повествовательный материал, вошедший в оба источника, уже раньше приобрёл достаточно устойчивую форму. Значит, эта форма восходит ко времени, непосредственно следующему за земной жизнью Христа, и с тех пор сохраняется без существенных изменений, передаваясь в разных местах с большой точностью.

Но несмотря на некоторые схожие выводы мы, вместе со многими другими учёными, в том числе и не католическими, считаем эту «теорию двух источников» неверной, хотя в современной критике она и занимает почти безраздельно господствующее положение. И не только потому, что она противоречит самым надёжным историческим свидетельствам, но и потому, что, на наш взгляд, она возникла из весьма одностороннего подхода и потому неизбежно порождает всё новые сложные проблемы. По нашему мнению, в своей основе верна и сохраняет силу старая традиция предания. А именно: уже очень рано, для задач огласительного

наставления, из всего множества событий земной жизни Иисуса был выделен тот материал, который лучше всего помогал слушателям понять, Кто был Иисус и чего Он от нас хотел. Как это вообще было принято в ту эпоху (ср., например, возникновение Талмуда) и как того требовало единство церковного наставления, устная катехеза очень скоро приобрела устойчивую форму. Эту форму она сохранила и после того, как была устно перенесена на греческий язык.

Священные писатели — за исключением Иоанна, у которого ясно виден иной замысел, — не ставили перед собой задачу дать нечто существенно новое сравнительно с этой катехезой. Они стремились оставить слушателям слова Божия надёжную письменную форму уже наличествующего предания, пригодную для чтения в церковном собрании. Поэтому они не могли и не хотели отходить от той формы, которая уже стала привычной для христиан. При этом каждый из них, составляя своё Евангелие, имел особую цель. Поэтому они сохраняли за собой свободу не только местами иначе располагать материал катехезы и редактировать словесную форму, но и включать из источников, не вошедших в общую катехезу, то или иное, что представлялось им особенно важным. Так возникли синоптические Евангелия. Если при этом, как уже было сказано, допустить, что евангелисты использовали материалы друг друга, то синоптическая проблема решается гораздо проще и естественнее, чем при помощи каких-либо учёных построений. Конечно, требовать, чтобы при этом можно было установить происхождение каждого отдельного слова, нельзя. Рационалистическая критика также не может этого сделать.

Как бы мы ни относились к этому вопросу, в конечном счёте всё сводится к одному — наши Евангелия восходят к письменным или устным источникам, устойчивая первоначальная форма которых уходит ко времени самих живых событий. Таким образом, для возникновения недостоверных сказаний и легенд просто не остаётся необходимого времени, тем более что сама эта форма складывалась на глазах и на слуху у целого народа свидетелей — не только сочувствующих христианству, но чаще даже настроенных враждебно. Если к этому добавить и то, что сообщают нам о Христе другие, столь же надёжно засвидетельствованные новозаветные писания, особенно послания апостола Павла, можно с уверенностью утверждать: Иисус из Назарета — самая исторически засвидетельствованная Личность из всех, какие только были.

Ещё одно замечание. Конечно, первоначальные экземпляры Евангелий до нас не дошли. Но сопоставление множества — и огромного множества — рукописей, древнейшие из которых, так называемые Ватиканский и Синайский кодексы, относятся к IV веку, вместе с привлечением древних переводов позволяет надёжно проследить

текст вплоть до конца III века. Барон фон Зоден вместе со своими сотрудниками проделал эту работу и изложил результаты в четырёхтомном труде «Писания Нового Завета» (Гёттинген, 1911–1913). Именно в конце 200-х годов три учёных мужа — Исихий в Александрии, Памфил в Кесарии и Лукиан в Антиохии — независимо друг от друга взялись пересмотреть новозаветный текст и заново передать его в списках. Так возникли три типа, или редакции текста: исихианская, или египетская; лукиановская, называемая также *койне*; и палестинская. Впрочем, относительно последней можно сомневаться, следует ли из-за неоднородности считать её самостоятельной формой текста. К этим трём формам восходят все наши рукописи. При этом варианты, несмотря на их значительное число, не имеют существенного значения для содержания.

Итак, твёрдо установлено: мы имеем тот же текст, который существовал уже в конце III века. Но установлено и большее. Эти три учёных мужа, особенно Памфил в Кесарии и Исихий в Александрии, ещё располагали для своей работы древнейшими экземплярами. Поэтому проделанное ими сравнение рукописей делает для нас, можно сказать, почти математически несомненным, что всё, что мы теперь читаем в наших Библиях об Иисусе Христе, уже содержалось в том же виде в древнейших источниках, восходящих к Его времени.

Отсюда следует: ни один мыслящий и честный человек не может уклониться от вопроса: кто был Иисус из Назарета? Может ли он ответить на него, не признав Его Божества, — это уже отдельный вопрос.